

Александр Рей

ЖИРНЫЕ БОГИ

Роман от автора нон-фикшн бестселлера
«Предназначение»

16+

Александр Рей
Жирные Боги

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Рей А.

Жирные Боги / А. Рей — «ЛитРес: Самиздат», 2020

ISBN 978-5-532-07149-0

Страшная эпидемия грозит уничтожить человечество. Смертельная болезнь появилась сразу после признания учеными существования Высшего Разума. Почему недуг затрагивает в первую очередь верующих? Как с эпидемией связана молитва? В попытке спасти людской род и найти ответы герой отправляется к Небожителям. «Жирные боги» — новый и самый противоречивый роман известного психолога Александра Рея, автора бестселлера «Предназначение». Роман стал продолжением рассказа «Бог есть!», получившего Гран-при международного литературного фестиваля в 2014 году.

ISBN 978-5-532-07149-0

© Рей А., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

От автора	5
Вместо предисловия	7
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	8
Глава 1. БОГ ЕСТЬ!	8
Глава 2. БОГ УМЕР	13
Глава 3. НУ, ЗДРАВСТВУЙ, БОГ	26
Конец ознакомительного фрагмента.	33

От автора

Когда-то я написал книгу, за короткий срок ставшую поистине народной. Стоило попасть в сеть, как сочинение само собой разошлось десятками тысяч экземпляров. Ее печатали и копировали, передавая из рук в руки, словно запрещенный фолиант. Своими впечатлениями со мной делились из всех уголков Земли – благодарили или проклинали, но никогда не оставались равнодушными.

Я много размышлял, что именно сделало эту книгу такой востребованной? Что задевает и заставляет перечитывать ее спустя годы? Может быть то, что она пропитана любовью и божественностью всего происходящего? Или дело в том, что эта книга подавалась в документальной форме – так, будто описанные в ней события действительно произошли некоторое время назад? Ведь чаще всего мне задавали вопрос: «А это все – правда?»

– Вы сами должны решить для себя... – таинственно улыбаясь, всегда отвечал я. И добавлял, – Скажу только, что я действительно работал в детском отделении психиатрической больницы. А дальше думайте сами – верить мне или нет.

Та книга получилась таким вот документальным вымыслом. Я взял факты своей биографии, имевшие место в разное время, десятки таинственных событий, множество удивительных людей, что довелось повстречать – окутав все единым сюжетом. Частичный вымысел я оформил в виде правды. Фантастической, но правды!

С книгой, что сейчас вы держите в руках, все наоборот. Во-первых, она недобрая. Совсем недобрая. Эта история не о любви и всепрощении, не о принятии или исцелении. В ней вообще нет ничего из излюбленных блюстителем духовной чистоты (к коим я приписываю и себя) тем. Скорее наоборот – эта книга о болезни. Не болезни общества, что смакуют писатели-правдорубы в социальных романах. А о болезни, заложенной в самой природе человека. Присущей каждому из нас – мне и тебе.

Во-вторых, описанные в ней события столь невозможны и экстраординарны, что людской разум напрочь откажется верить в их реальность, поливая мою честно рассказанную историю дождем критики и обидных сомнений. Не желая оправдываться, как и слыть лжецом, я нанес факты на холст художественного вымысла. Надеюсь, «умеющий слышать – да услышит».

Читатель мой, обращаюсь к тебе!

Пробегая взглядом строчку за строчкой, не верь разуму своему, но «сомневайся» в описанных мной событиях сердцем. Пусть сердце и только оно на протяжении всего путешествия будет твоим главным советчиком. При желании ты можешь сопоставить вымысел с реальными событиями. И в этом, возможно, найти глубину.

Знай, что в этой книге я приукрасил факты не из страха быть освистанным толпой, не из желания повторить успех прошлых работ, и уж, тем более, не из сомнительной тяги к играм разума или словесным лабиринтам. Просто (Увы!) настолько кристаллизованная правда может сгубить человека без веры. Поэтому, словно яд, я подношу тебе новую реальность, припорошив ее сладостями и ароматным словом. Надеюсь, что ты, читатель, в результате этого эксперимента не только выживешь, но и разработаешь иммунитет, лишь став сильнее.

Как автор, я беру на себя всю ответственность за каждый случай отравления этими строками и заранее приношу извинения всем, кто погибнет, пробираясь сквозь иллюзии к правде.

*С надеждой и равнодушием,
Александр Рей*

Александр Рей

Жирные Боги

Роман

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1. БОГ ЕСТЬ!

На старых записях кинохроники я неоднократно видел кадры семей, прильнувших к радиоприемникам. Люди на экране неподвижно замерли, боясь шелохнуться, и не дай Бог спугнуть голос диктора, пришедший погостить в дом через невидимые волны. Этот сильный голос нес весть, способную изменить привычную жизнь раз и навсегда. Именно поэтому люди на экране замерли, они молчат, потому что знают – через мгновение жизнь больше не будет прежней. Все изменится, и это правда... Правда, которую не хочется признавать и даже думать о ней. Напряженные до предела, люди на экране молятся, даже сами не осознавая, они молятся, выпрашивая у Небес крохотную надежду, что услышанное минуту назад – лишь страшный сон, а значит, есть шанс проснуться, а значит, никакой войны на самом деле не будет.

Но в реальности, всего одно мгновение ДО, сильный голос диктора вынес приговор: «Говорит Москва!»

Сколько себя помню, я всегда до чертиков боялся войны. Не карикатурных и уж очень фантастичных танков и истребителей, а самой настоящей войны – той, которая несет голод, скитания, отсутствие нормального туалета и ежевечернего душа. Мне, человеку мирного времени, с рождения изнеженного благами цивилизации, даже представить сложно, не то что отсутствие дома и крыши над головой... О чем говорить, если даже просроченный сыр в магазине выводит меня из себя?

А тем, кто был до меня, и так жилось несладко – они прошли тоталитаризм, вечную нехватку продуктов... Да что там, если у них даже интернета не было, значит к лишениям и трудностям им не привыкать. Уж войну-то они точно переживут.

А я? Я что могу? Могу быть сытым и несчастным... А голодным и счастливым, как они – нет уж, увольте!

Квинтэссенцией моего страха стал сигнал воздушной тревоги. Лишь стоит услышать вой сирен, как меня охватывает ужас. Горло и голову сдавливают тиски, а глаза мечутся в поисках выхода. Я, как та собака, с рождения боящаяся грозы – мной правят животные инстинкты. «Бежать! Куда бежать?! Надо бежать!!!» – разносится воем в моей голове.

Будучи еще совсем мальчишкой, я услышал этот сигнал. Первым порывом было спрятаться под стол. Хотя на тот момент я даже не знал, откуда и что это за звук, а все равно боялся.

Всего через несколько дней я увидел японский анимационный фильм «Босоногий Ген». Показ мультлика приурочили ко дню поминовения атомной бомбардировки в Хиросиме. Мальчишкам в том мультфильме было лет приблизительно столько же, сколько и мне. И летнее нарисованное солнце светило так же, как за моим окном. Потом мальчишки слышали сирену – ту самую, которая всего пару дней назад породила во мне желание забиться в угол. Вслед за страшным воем на экране появилась белая вспышка.

Сирена, вспышка, а после боль, скитания, голод, смерть... Война.

«Говорит Москва!»

С трепетом просматривая кадры хроники, я надеялся и верил, что это никогда не случится со мной. Что я не окажусь в числе тех несчастных, и мне не придется вслушиваться в голос из радио или всматриваться в телевизор и ждать, что же скажет диктор.

Но, когда я вошел в комнату, мое сердце екнуло. Мать и отец неподвижно смотрели в экран телевизора, и в том, КАК они молчали, я услышал то же, что на старых кадрах – молитву, чтобы мир остался прежним.

– В чем де... – хотел узнать я. Но мать громко шикнула, подняв указательный палец – мол, закрой рот. В последний раз она так делала, когда я был еще совсем ребенком.

– Помолчи!

На экране цифры обратного отсчета сменила фигура.

– Здравствуйте, дорогие друзья! – поздоровалось знакомое лицо. – Сообщение, которое вам сейчас предстоит услышать, подготовлено Организацией Объединенных Наций, и транслируется по всем телеканалам мира на всех возможных языках. – Диктор заметно волновался. Чувствовалось, какой груз ответственности сейчас лежал на нем. Еще бы! Возможно, его имя останется в веках, как имя Левитана или даже Нерона!

Черт побери, что происходит? Неужели и правда война?

Но новость, которую диктор собирался объявить, оказалась куда страшнее.

– Два дня назад астрофизики из Манчестерского университета Юрий Толкунов и Харуки Курасава смогли обнаружить и заглянуть в центр Вселенной – туда, где зародилось все. Согласно полученным данным, на расстоянии 14 миллиардов световых лет находится обитель Высшего Существа... Того, кто породил пространство, время и материю. Также это подтверждают расчеты математика из Принстона Артура Гаспаряна, с которым связались астрофизики сразу после открытия, и... – Ведущий на экране замер. Сначала я подумал, что проблемы с сигналом, но мужчина определенно подавал признаки жизни: моргал и дышал, но почему-то оставался неподвижен. В чем дело?

Его глаза наполнились слезами. Отвернувшись, ведущий, всегда такой уверенный и категоричный, тяжело вздохнул, на несколько секунд зажмурился и лишь затем вернул взгляд к камере.

– Ребята, вы хоть понимаете ЧТО ЭТО ЗНАЧИТ? – будто замороженный, спросил он. – Они доказали, что Бог есть! Не нужно верить... Теперь мы знаем! Знаем... Все изменится... Все теперь по-другому!

Ведущий встал из-за стола, и ушел. Просто ушел...

Камера еще с минуту показывала осиротевшую студию, словно в телестанции никого не осталось. Но потом все же кто-то догадался включить рекламу.

Рекламировали прокладки, дарующие свежесть на целый день.

Мать выключила телевизор. Все так и остались сидеть истуканами, уткнувшись в погасший экран.

Ну, хоть кто-нибудь? Нет?

– Пойду кофе сделаю, – сказала мать, но прежде чем встать, просидела еще пару минут.

Тик-так, тик-так... Звук секундой стрелки до жути громкий – еще хуже, еще страшнее сирены воздушной тревоги. Почему я раньше не замечал этого? Может быть, просто воздух сгустился, и теперь стрелке, чтобы преодолеть каждый шаг, приходится вспарывать его, прикладывая уйму сил?

Что за чушь лезет в голову? Почему так мерзко на душе? Будто действительно только что объявили о начале войны, а не радостную весть... Радостную? Ну, да, разумеется. Ведь если Бог есть (теперь в этом нет никаких сомнений), значит есть и жизнь после смерти физического тела, и душа, и любовь, и ангелы... Да много еще чего.

Почему же нет радости, а лишь ощущение, что диктор вместе с русским, японцем и математиком из Принстона все вместе нагадили в душу? Почему?

Матери на кухне не оказалось, как и заваренного кофе. Она даже воду не вскипятила. Дверь в ее комнату была закрыта, а из щелей доносились глухие, но вполне отчетливые всхлипы. Мама плакала.

Мимо прошмыгнул отец. Накинул сверху ветровку и в домашних тапках вышел на улицу. Наверное, курить.

Я же вернулся на кухню, налил в чайник воды, поставил его на плиту. Достал чашку и стал дожидаться, когда вода закипит.

Чертовы ток-шоу (вот уж где создание Сатаны) не умолкали сутками. Депутаты, актеры, врачи, священники, учителя, дворники и даже один китайский чревовещатель... Казалось, продюсеры телеканалов задалась целью опросить каждого-перекаждого жителя Земли на тему: «Как вы относитесь к Богу?» Заметьте, о вере уже никто не спрашивал. Ведь научно-то доказано!

Был, правда, один сумасшедший, который упрямо заявил о заговоре духовенства и продажности современной науки. Но его быстро заклевали. Под шум гомонящей толпы приглашенный поп умудрился засадить ребром ладони по горлу убежденного атеиста. Проглотившему «кирпич» посиневшему бедняге пришлось даже вызывать врача. Присутствующий в студии хирург отказался помогать «безбожнику».

Смотреть эту чушь не было сил, но ничего другого по телевизору не показывали. Иногда казалось, что принципиально.

Хуже всех вели себя святоши. Нет, правда. Я не придираюсь. От буддистов до жрецов североамериканского племени Хулхуа, от деревенского дьячка до Папы Римского – словно с цепи сорвались. Не особо себя стесняя в выражениях, попеременно жестикулируя то указательным, то средним перстами, небесные заместники улыбались широкими улыбками и говорили, говорили, говорили... Все их многоголосье можно было свести к одной простой фразе: «А мы вас предупреждали! Теперь вам, грешники, пи**ец!»

Высокомерием «победы» разило даже сквозь толстое стекло экрана.

Толпы неожиданно прозревших и прозревших со стажем повалили на главные улицы городов. Плакаты, сконструированные таким образом, чтобы надписи видели не только объективы телекамер, но и небеса, признавались Богу в любви и рекомендовали пробудиться к праведной жизни, дабы не гореть в Аду. По будням сбор в 18.00, в выходные служения дважды. Обращаться по адресу...

Но по-настоящему качественное шоу начиналось, лишь стоило столкнуться представителям двух разных конфессий. Куда девалась религиозная терпимость и солидарность, когда речь заходила о том, в чей Рай придется отправиться после смерти! Мусульмане категорически отказывались от православного Рая, а те, в свою очередь, не хотели кайфовать в облаках с семитами, мол, от них и на земле-то спасу нет.

За все существование бокса не было столько пролито крови, как за первые дни дебатов. Никого не хочу обидеть, но обычно победа оставалась за православными священниками. Оказалось, что их засаленные бороды не так-то просто повывергивать. А массивные распятия в случае необходимости удобно использовать вместо кастетов.

Шутки шутками, а все эти побоища изрядно поднадоели, но конца и края им видно не было. Даже когда ученые сыны размахивали формулами и цифрами перед задранными носами священников, доказывая, что Творец – это просто Творец. И нет у Него предпочтений крепиться ли, отращивать ли пейсы, мыть ли руки перед молитвой... Что это сугубо наше, людское! Задранные носы оставались глухи.

В попытке усмирить воинственных жрецов, депутат государственной думы Жириков Вольф Владимирович предложил установить одну-единственную религию для всех. Собрать Вселенский Собор и путем голосования определить угодные Центру Вселенной обряды, атри-

буты служения, одежду. Выяснить, нужны ли Творцу минареты у мечетей, и как лучше хранить религиозные тексты: в книгах или свитках.

На вопрос, как быть со священными писаниями, Жириков предложил приравнять их к историческим документам и рассматривать исключительно в качестве культурного наследия.

«Если внимательнее посмотреть на любую священную книгу, то без труда можно заметить, что у всех религий есть общие идеи: любовь к ближнему, сопереживание, забота о родителях и родной земле, главенствующая роль созидания и развития личности. Нужно поручить ученым (и ни в коем случае не духовенству) провести качественный анализ текстов, с целью вычислить точки пересечения, найти эти самые главные мысли. По сути, не так уж важно, как звали Пророка, куда он ходил, кто мыл ему ноги. Главное – Идея. Вот эту Идею, общую для всех, и следует извлечь. И уже на ее основе строить международный единый институт церкви...»

На следующий день после этой речи машину Жирикова подорвали. Кроме депутата, погиб водитель и охранник. Желтая пресса писала, что следы ведут в Ватикан, но по федеральным каналам об этом не говорили ни слова.

Смерть депутата Жирикова удивительным образом оставила внутри меня неприятный осадок. Не так переживают смерть чужого человека. И до того отвратительное настроение только ухудшилось, а я все не мог понять, *что* со мной происходит. Почему с того самого дня, когда диктор официально объявил о признании существования Высшего Существа, тягучая, тупая боль в груди и ощущение «начала войны» никак не проходят? И то же самое, я уверен, происходило абсолютно со всеми: и с духовенством, так истово защищающим свои храмы; и с атеистами, до сих пор *свято верящими*, что их в очередной раз пытаются развести; и с моей семьей, словно зомби, слоняющейся из угла в угол, с работы – домой. У всех болит в груди, а иногда без причины тошнит.

Что с нами происходит?

Я задаю этот вопрос, а в голове сами собой всплывают кадры с обгоревшими останками депутата Жирикова.

Телефон заиграл знакомую мелодию. Я наклонился, чтобы выключить звук.

– Твоя? – презрительно спросила Катя, посмотрев на меня через плечо.

Не став отвечать, я лишь покрепче схватил ее за шею, чтобы заткнулась, и продолжил.

– Чего трубку не брал? – спросила Таня.

Черт, ведь чувствует. Давно чувствует, что у меня кто-то есть.

– У директора на ковре был. Лучше не спрашивай, – пробубнил я, стараясь как можно правильное выразить заранее подготовленные и отрепетированные эмоции.

– В обеденный перерыв? – недоверчиво спросила она.

– Да. Обед – не обед. Какая разница? Начальству все равно, когда настроение портить.

Положив трубку, я отчетливо почувствовал, что боль в груди стала больше, плотней. Даже мешала дышать.

Черт, да в чем же дело?!

Обгорелый череп депутата смотрел на меня и улыбался неприятным оскалом.

– Главное – Идея! – проговорил череп устало. – Вот эту Идею, общую для всех, и стоит извлечь... Ты извлек идею? *Извлек?*

Из груди боль резко переключалась в горло – его сдавило, а затем также резко отпустило. Не удержавшись, я вырвал на асфальт.

«Чтоб ты сдох со своей идеей!»

– Поздно! – закачал он обгоревшей лысиной. – Да и Идея-то не моя, а общая. Так что все вопросы не ко мне, к Центру Вселенной, пожалуйста.

Добравшись домой, я присоединился к семье – стал шарить по квартире, не находя себе места. Не помогло. Да я и не надеялся, прекрасно осознавая, *что* мне может помочь.

Усевшись в своей комнате на диван, долго вертел в руках телефон, все обдумывая, взвешивая, сомневаясь. Боль в сердце больше не позволяла самому себе лгать.

Я набрал номер.

– Да, любимый, – ответила Катя.

– Кать, ты пойми меня правильно. Я просто Таню больше обманывать не могу, а признаться и разрушить наши отношения – не хочу. Поэтому извини... Извини, что я говорю тебе об этом по телефону. Понимаю, что некрасиво, но ждать я не готов.

Молчание.

– «Некрасиво»? – повторила мои слова Катя.

Молчание.

– Ну и сука же ты! – озвучила она приговор и бросила трубку.

В конце концов, Катя знала, на что шла. И я ей ничего не обещал.

Неподвижно сидя в темноте, пытаюсь понять, что происходит внутри. Как и ожидалось, боль значительно уменьшилась. Я наконец-то смог вздохнуть полной грудью. Наконец-то.

Значит, Жириков был прав – все дело в Идее... Идее, общей для всех.

Перебравшись на кухню, я заварил себе кофе. Дождался, пока уйдет отец. Закурил.

Жириков был прав, а значит, сожалел я не о его загубленной жизни, а о той мысли, которую он начал, но не успел досказать, объяснить мне, *что* за гадкое чувство появилось внутри вслед за сбежавшим из студии диктором.

Ведь Творец существует, а значит нет смерти, есть душа и ангелы... Должно быть радостно, а не вот так – до рвоты!

«Все изменится. Все теперь будет по-другому!» – напроорочил диктор и ушел.

Откуда взяться радости? Ведь если есть Бог, значит, есть и долг перед Ним. Есть *ответственность за свою жизнь*, сделанные выборы, произнесенные слова и даже мысли. Он все слышит, и за все придется держать ответ. Ведь именно поэтому так тяжело на душе. Каждый из нас остался наедине с самим собой, со своей *Совестью*. И каждый знает, где неправ и что не следовало делать.

Если раньше, лишь догадываясь о существовании Центра Вселенной, можно было жить на авось – вдруг пронесет – то теперь так не получится. Теперь я точно знаю, что за все придется отвечать.

Я взглянул на себя Его глазами и оценил свои поступки по Совести. Именно это принесло боль. Именно это напугало больше, чем война или болезни. Каждый сам знает себе цену.

Бог есть! И это пугает...

Глава 2. БОГ УМЕР

Единственное, кому я в жизни завидовал – облакам. Завидовал, не стесняясь, в открытую, черной завистью. Сколько помню себя, смотрел на эти полчища пушистых демонов с тоской о том, что я – не один из них. И как окружающие ни убеждали, как ни пытались доказать, что это нелепо, я знал – они, там, наверху, живые... Неспешно плывут, подгоняемые ветром, лениво наблюдая за людьми-букашками, презирая нас. Они – бессмертные, а мы – скоротечны.

Такая у меня была мечта – быть облаком. С детства она оставляла меня в проигрыше, делая несчастным. Нет ничего хуже, чем знать: все, о чем ты только можешь грезить, никогда не сбудется. В итоге жизнь блекнет и теряет смысл.

Окружавшие меня люди всегда мечтали о чем-то конкретном: встретить большую и чистую любовь, съездить на море, купить машину, занять первое место в конкурсе или высокий пост. А я всего-то хотел плыть по небу без цели, в никуда. И наблюдать...

Такая мечта без шанса на воплощение. Дни без толики счастья. Отчаянье.

Чтобы хоть как-то продолжать жить, я пытался создать иллюзию небесного путешествия. Думаю, у меня это получилось. Избегал всего, что могло заставить приземлиться или хотя бы задержаться на одном месте. Впереди еще ждали сотни и тысячи миль неизведанных земель, которые мне предстояло увидеть отсюда, сверху. Я не имею в виду путешествия. Из родного города я практически не выезжал. Речь скорее об отношении к миру, когда *ничего не важно настолько*, чтобы из-за этого расстраиваться или пытаться удержать. Работа, отношения, здоровье. Для облака важно лишь плыть вперед в неизвестность, отдаваясь воле переменчивого ветра. В обществе таких людей, как я, принято считать безответственными. Пожалуй, это правда.

Мать с отцом мной никогда не гордились. Мы, конечно, это не обсуждали, но все и так было ясно. Меня это даже не задевало. Главное, что родители не пытались меня поучать. Спасибо и на том.

Когда я встретил Таню и наши отношения переросли во что-то большее, чем эпизодические ночевки друг у друга, мне на мгновение... лишь на мгновение показалось, что я вдруг стою на земле. Облако стало приобретать конкретные очертания. О, Боже, как же я тогда испугался! Таня почувствовала мое состояние. Помню, она сказала, что мы вместе лишь по одной причине – ей нравится, когда за ней наблюдают чужаки.

– Это что-то сродни фетишизму? – спросил я тогда.

– Не знаю. Возможно. Есть же те, кого заводит подглядывание. А мне, наоборот, становится спокойно, когда кто-то чужой, кого я не знаю, смотрит на меня со стороны.

Я удивился:

– Но ты же меня знаешь.

– Разве? – лишь ухмыльнулась она, а затем добавила, что я никогда не стану близким ей человеком. Так и буду вечно слоняться неприкаянный, пристальным взглядом наблюдая за тем, что происходит в ее очень понятной и размеренной жизни. И Таню это вполне устраивало.

Земля ушла из-под ног так же быстро, как и появилась. Я смог вздохнуть с облегчением.

Единственное, чего я хотел от жизни, чтобы вот так было всегда. Чтобы ничего не менялось и все события в мире происходили не со мной. Никогда не быть главным или даже второстепенным героем. А просто смотреть, как течет река машин.

Нет, конечно, я догадывался, что рано или поздно каждое облако встречает на своем пути порывистые ветра и тогда, хочет оно того или нет, попадет в самую гущу событий. Просто

я надеялся: повезет и спектакль пройдет без моего участия. Что жизнь забудет о моем существовании.

Но мне не повезло. Я стал даже не главным героем, а, скорее, самим спектаклем. Время безмятежности закончилось.

С того момента, как диктор объявил о существовании Бога, прошло совсем немного времени. Но уже с уверенностью можно было сказать, что для человечества в целом кардинально ничего не изменилось. Разве что больше людей стало молиться и ходить в храмы. И если раньше верить было то модно, то наоборот, теперь религия окончательно стала мейнстримом. Священнослужители, как и в лихом XV-ом, «ринулись» в политику, провозглашая, что «на все воля Божья». И без одобрения духовенства ни о каких экономических, общественных и военных реформах речи быть не может. Но это все так, мелочи. Признаться, я ждал чего-то большего – по-настоящему глобального. Не знаю. Допустим, создания единой конфедерации планеты Земля с образом всевидящего ока на флаге. Или исчезновения пьянства и блядства как феноменов. Но ничего такого не произошло.

Люди довольно быстро стали задумываться о своих отношениях с Творцом, превратив знание о Нем в очередные бездумные обряды и ритуалы. Люди есть люди.

– А для тебя, умник... Лично для тебя что изменилось?

Я перестал мешать картошку в сковородке и посмотрел через плечо на Таню. У нее на губах застыла улыбка.

– Для меня?

– Да.

– Не знаю, – я выключил клмфорку и сел напротив. – Не думал об этом.

– А стоило бы! – упрекнула меня Таня и перевела взгляд за окно.

Я соврал. На самом-то деле, я почувствовал изменения. Слишком они были явные, чтобы закрывать на них глаза и притворяться, будто смог остаться в стороне.

Если раньше я просто жил и совершал поступки, не задумываясь о последствиях, то сейчас буквально всей душой ощущал, как любое действие или даже слово влияет на жизнь – мое настоящее и будущее. Дело не в том, что мне стыдно перед Творцом, или не дай Боже, я Его боюсь. Страх должен иметь лицо, а добродушного бородача в потрепанной белой рясе, довольно сложно бояться. Скорее я понял, что есть правильные и неправильные поступки. Дело не в морали – не в «хорошо» и «плохо», записанных в огромном свитке где-то на Небесах. Дело исключительно в личных переживаниях и оценке своих дел. Я чувствовал, как должен поступать, а как не следует. И никто меня не накажет за проступки. Лишь я сам буду считать себя куском дерьма, если пойду в разрез с «честным» решением.

Это чувство *правильного* было всегда. Но когда-то очень давно, сам не знаю как и почему, я перестал его слышать. И с тех пор, словно назвал суровому родителю, все делал не так. Когда брал чужое, или шел по головам, или спал с теми, на кого было плевать, или совершал еще десятки «как бы не мерзких» поступков.

Хуже всего, мне не казалось такая вот моральная глухота чем-то плохим. Все так живут, не обращая внимания, что Голоса внутри не разобрать за стеной желаний и страхов. Все так живут, и я так жил. Это я сейчас понимаю, что подобная «тишина» сродни уродству. Но, что сделал зрячий из той притчи, попав в царство слепых? Выколол себе глаза! Прямо, как и я. Как и каждый, кого я встречал на своем пути.

Многое изменилось у меня внутри. Я стал чувствовать *что-то*, что сложно описать. Это как... направление, которое невозможно игнорировать. Когда пытаешься плыть в потоке воздуха, обволакивая себя белой пеленой, но тяжесть притяжения напоминает кто ты на самом деле. Значило ли это, что моя мечта о жизни в ритме беспечности растворялась? И облако обретало очертания человека? Пока об этом рано судить, но с недавних пор, я не только стал

наблюдать за проплывающими мимо пейзажами, но и смотреть вперед, пытаясь понять, куда меня несет ветер.

– Бог отвернулся от нас! – плакала с экрана исхудавшая, серая женщина. – Он больше не даст нам шансов. Это даже не наказание за грехи. Это конец! Он больше не хочет, чтобы мы изменились или что-то поняли. Поздно! Он плюнул на нас и ушел... – Женщина демонстративно сплюнула, показывая Божественный плевок на род человеческий. Но попытка оказалась неудачной – вязкая слюна предательски повисла на подбородке. Вмиг праведный гнев женщины сменило смущение. Бледность скрылась за стыдливым румянцем.

Видимо оператору надоело издеваться над героиней репортажа – оплеванное лицо исчезло, а на весь экран, в винтажном обрамлении, появилась известная цитата Ницше:

«Бог умер! Бог не воскреснет! И мы его убили! Как утешимся мы, убийцы из убийц! Самое святое и могущественное Существо, какое только было в мире, истекло кровью под нашими ножами – кто смоет с нас эту кровь?» Фоном для пущей трагичности играла мелодия Fabrizio Paterlini с говорящим названием «Темнота – не противоположность света». Честно признаться, получилось довольно эмоционально. По телу пробежал неприятный озноб.

– Черт бы вас побрал! – выругался я, и спешно выключил телевизор. Не вставая, дотронулся до сотового и набрал Танин номер. Она долго не брала трубку.

– Давай коротко. У меня люди... – деловито обрезала она еще до того, как я произнес хоть слово.

– Ты как? Все в порядке? – спросил я, немного растерянно.

– Да, все в порядке. Как обычно. А в чем дело? – складывалось впечатление, что я ее раздражал. Таня вообще не любила, когда мы созванивались во время работы.

– Просто опять сдохлосов показывали. На этот раз какая-то тетка кричала, что Бог обиделся и сбежал от нас. А потом Ницше цитировали под пианино. Вот и стало не по себе.

Таня выдержала паузу, думая о чем-то своем, а затем, довольно холодно посоветовала:

– Не смотри телевизор. Там одну ахинею показывают.

– Я его уже выключил, – почему-то оправдывался я.

– И перестань их «сдохлосами» называть. Это мерзко и тупо.

– Их все так называют.

В трубке повисла неприятная тишина.

– Мне нужно идти. Клиенты ждут.

– Хорошего дня, – пожелал я. Получилось неискренно.

– Ага, – и повесила трубку.

Бросив телефон рядом, постарался поудобнее улечься на диване. Руки сложены на животе, взгляд устремлен в потолок, словно я попал на прием к психоаналитику. Мне бы сейчас действительно не помешало. Хотя... Всему миру сейчас бы не помешало – на Земле творится черте что.

Буквально через полгода после объявления о том, казалось бы, судьбоносном, а на деле, самом посредственном открытии, появилась какая-то бактерия или вирус (ученые до сих пор пытаются разобраться), от которой люди высыхают, постепенно превращаясь в мумии. Зрелище, конечно, жуткое. Всего за пару месяцев из упитанных, заплывших жиром красавцев люди превращаются в кожу да кости. Казалось, не хватает всего одного касания, чтобы несчастные рассыпались по полу грудой пыли. Один журналист в прямом эфире назвал таких людей «сдохлосами». То ли потому, что они довольно быстро умирали. То ли потому, что инфицированные – «дохлые», то есть худые, как сама смерть. В итоге, неосторожного журналиста либеральное общество линчевало за пару дней, а бедных мумий все стали называть не иначе, как сдохлосами. Название прижилось и по мере нарастания эпидемии становилось все более популярным. Чуть позже стало известно, что ученые эту странную болезнь назвали «Синдромом

Дефицита хромосомочегототам». Сокращенно СДХ. Поэтому и «СДоХлосы». По-моему, что бы Таня не говорила, а название очень даже подходит.

Шутки шутками, а эпидемия грозила стереть с лица Земли все человечество. Ученые никак не могли разобраться, что это за ерунда происходит с людьми. Вирус или бактерия – первое, о чем они подумали. Но эту гипотезу опровергало сразу два факта. Ни у кого из больных не выявили в организме ничего подозрительного – это раз. Второе – СДХ захлестнула всю Землю в одночасье. Если бы недуг вызывал вирус, то он бы имел очаг распространения. Сначала кто-то где-то заражается. Потом кто-то переносит болезнь в другое место, пока количество заболевших не достигает критической массы. Но не может такого быть, что в один день большая часть земного населения стали иссыхать. Раз, и болеют люди, как в Португалии, так и в Канаде. Единоновременно, на всех континентах.

Течение болезни тоже происходит довольно любопытно. Сначала сдохлосы жалуются на плохое самочувствие, общую слабость, как, например, во время гриппа. Постепенно слабость перерастает в бессилие. Они быстро теряют в весе и в итоге достигают того момента, когда уже просто не могут стоять на ногах, превращаясь в живых мумий. А там и мучительная смерть не за горами. Жуть! Период от заражения до смерти у всех занимает разное время. Одни иссыхают всего за неделю. Другие вообще, начав «худеть» и достигнув опасного веса, вдруг, чудесным образом, исцеляются. Правда, это единичные случаи. В основном исход печален.

А есть еще третий вариант. Такие, как я. Мы с тревогой наблюдаем за десятками тысяч смертей в родном городе. Миллионами по всей планете. Катастрофа грозит нешуточная. Какой-то статист подсчитал, что, если болезнь будет развиваться с той же скоростью, то нам останется жить не более десятилетия. Десять лет – вот, сколько осталось человечеству до полного исчезновения. По-моему, всем пора собирать чемоданы.

Но злит даже не это...

Мы стоим на пороге вымирания, а общество изо всех сил пытается жить прежней жизнью, отвергая неизбежную кончину. Мне это напоминает попытку бьющегося в агонии заказать пиццу. Люди все так же продолжают ходить на работу, искренне удивляясь, когда очередное место за соседним столом оказывается пустым. Правительства призывают сохранять спокойствие, попутно обвиняя друг друга: русские – алчное ЦРУ, американцы – «советскую Россию». Без передышки, то проклиная друг друга, то в унисон клянясь, чем только можно, что каждый ученый на планете (от нобелевских лауреатов по астрофизике до учительницы химии – Анны Васильевны из школы № 3 города Елатьма) занят поиском лекарства.

Время на исходе, но пока «лучшие умы» смогли лишь выяснить, что энергия, вырабатываемая организмом сдохлосов, просто исчезает. Если совсем просто, то пища расщепляется на органические вещества, которые поступают в клетку. При этом клеткой должна высвободиться энергия химических связей. Но энергии нет. Клетка жрет, как не в себя, а энергии для работы обратно не поступает. Ученые все исследуют и исследуют, пытаясь выяснить, как в том анекдоте, куда из запертой комнаты исчезли сломанная табуретка, три металлических шара и пьяный русский. И пока они разгадывают ребусы, очередная порция загадочных мумий готова. Нам же, тем, кто еще не заразился, приходится быть подопытными кроликами. Мне даже отпуск дали. Кстати...

Я глянул на часы – меньше, чем через час, нужно ехать в больницу. В который раз медики сделают мне томографию всего, возьмут все на анализ, чтобы опять не узнать причину, по которой меня стороной обходит болезнь СДХ. Но выбора все равно нет.

Я сидел в очереди к терапевту. Еще месяц назад, когда нас обязали ходить на осмотры, ждать приходилось долго – толпа везунчиков, миновавших участь называться сдохлосами, еле помещалась в коридоре. Лица были одни и те же. Постепенно, коротая время за непринужденной болтовней, мы перезнакомились. Знали кого как зовут, кто где работает, семейное поло-

жение. Случались даже быстротечные романы с пересудами, расставаниями и вторыми шансами. В общем, скучать не приходилось.

Но очередь постепенно мелела. Если кто-то из нас выходил из кабинета опустив глаза в пол, мы знали – список «везунчиков» стал чуть легче. Больше мы его не увидим. С каждым выбывшим, лица вокруг мрачнели все сильнее. Мы понимали – заболеешь ты СДХ или нет, неизвестно. Сегодня здоров, а завтра врач разочарованно отметит, что вес уходит слишком быстро.

Как сказал один мной знакомый, услышав приговор: «Хотя бы не придется таскаться сюда каждый день.» Оно и понятно. Как только появляются симптомы СДХ, врачи теряют к тебе всякий интерес. Они не знают, что делать с больными, поэтому изучают здоровых, пытаюсь понять, как нам это удастся. Больных – много (исследуй не хочу), здоровых все меньше.

Закинув ногу на ногу, я прислонился головой к прохладной стене, и дремал, гоня по кругу тяжелые мысли. В очереди осталось всего 7 человек. Минут через 40 буду уже на пути к дому.

Мужской голос назвал мою фамилию. Я открыл глаза. Надомной возвышался врач, пристально разглядывая мое лицо и дожидаясь хоть какой-то реакции. Я кивнул, давая понять, что врач не ошибся.

– Пойдемте! – приказал он и зашагал по коридору. Коллеги по очереди с интересом наблюдали за событием – незначительным, но все же выходящим за рамки привычного. Я поспешил за доктором.

Мы поднялись на этаж выше, подошли к кабинету без таблички. Щелчок замка и мы внутри.

– Садитесь! – мужчина махнул рукой в сторону кушетки, а сам направился к столу, заваленному какими-то папками. Я послушно сел и стал с любопытством разглядывать врача.

За время походов в больницу, я, кажется, успел повидать и запомнить весь персонал, в изобилии обитающий в этих стенах. Со скуки, особенно последнее время, я вглядывался в лица пробегающих мимо людей. Человека, увлеченно перелистывающего бумажки, я однозначно видел впервые.

Молодой. Возможно мой ровесник или чуть старше – года тридцать три. Темные волосы, выразительные скулы, слегка небрит, поджарый. Лицо можно назвать приятным. Смущали лишь мешки под глазами, какие бывают у всех, кто весело провел ночь в клубе. Хотя этот не похож на гуляку, скорее наоборот, а значит, это лицо сильно уставшего человека.

Врач оторвал взгляд от бумажек и посмотрел на меня. Я рефлекторно отвернулся.

Мужчина встал, подошел, протягивая маленький кусок картона. На визитке написано, что передо мной Дмитрий Михайлович Федоров, врач-анестезиолог, спасающий людей в стенах пятой клинической больницы.

Что он тогда делает здесь, на другом конце города?

– Зови меня Димой, – он протянул руку. Я на секунду замешкался и, кажется, невольно поморщился. Мне это знакомство нравилось все меньше. Не люблю, когда происходит что-то непонятное. А сейчас именно такой случай.

Получив свое рукопожатие, врач взял стул, поставил напротив и сел. Кушетка высокая и получилось, что я сижу на голову выше. Меня это немного успокоило. Появилось ощущение, что я снова контролирую ситуацию или, как минимум, понимаю мотивы этого странного человека. Хотя это не так.

– Зачем я здесь? Это какое-то новое обследование?

Врач словно не слышал мои вопросы:

– Давай сразу к делу. Что ты знаешь о болезни... СДХ?

Я рассказываю все, что слышал по телевизору: о потере энергии клетками, о слабости, похудении и, как итог, смерти. Врач удовлетворенно кивнул, явно ожидая от меня меньшего.

– Хорошо, но почему это происходит с людьми? Какова причина? Ты назвал симптомы, но не причину.

– Дмитрий Михайлович...

– Дима, – поправил он.

– Дима, – соглашаюсь я, хотя не понимаю к чему эта фамильярность. Друзей я не ищу. Особенно здесь. – Почему вы меня спрашиваете? Разве я не обязан сюда ходить именно для того, чтобы вы выяснили это.

Врач усмехнулся:

– Тогда мне жаль твоего времени. Ты тратишь его напрасно.

Повисла неприятная тишина. Я ждал, что Дмитрий продолжит, но он молчал, вновь откнувшись в папку с результатами моих исследований. Как реагировать-то? Когда я уже хотел попросить объяснений, врач продолжил:

– Представь: десятки тысяч ученых во всем мире каждый день ковыряются в пробирках, исследуют миллионы больных и здоровых людей с единственной целью – найти причину СДХ, и все впустую. О других смертельных болезнях нам известно намного больше. В случае СДХ никто не понимает причин. Как она появляется? Как распространяется? Как выбирает цель? Вирус это, инфекция, химикаты, радиация? Что это вообще такое – СДХ? Если ВИЧ – это вирус, карцинома – неконтролируемый рост клеток, то СДХ – это ничего. Просто исчезновение энергии из организма человека. Что-то с работой митохондрий связано, но и это больше гипотеза. Ты можешь сдать анализы еще тысячу раз, но причину, почему ты до сих пор здоров, а другие умирают, мы так и не найдем.

Молодой врач замолчал, давая мне возможность обдумать услышанное. Меня конечно посещали мысли, что походы в больницу – затея бесполезная, но я отмахивался от них, надеясь, что забор крови и разглядывание моих слизистых хоть как-то поможет приблизиться к разгадке. Но каждый раз, приходя сюда, в глазах врачей я не находил веры в результат. Кажется, с каждым днем они все больше отчаивались, хватая руками воздух. Призванные спасти человечество умирали также, как и мы, их лабораторные мыши. Отсутствие результатов тушит пламя горящего сердца. Рутинная поглощает даже желание жить.

Новый знакомый был честен. Он произнес вслух то, в чем ни мы, временные «везунчики», ни врачи, не решались признаться – чем больше проходит времени, тем меньше шансов спастись. Никто не знает, откуда взялась СДХ и как ее остановить. Паршивый расклад.

Врач все это время неотрывно следил за моим лицом. Дождавшись финала моих размышлений, он произнес, медленно и четко – так, чтобы я по-настоящему *услышал*:

– Кажется, я знаю, почему возникает болезнь...

Что чувствует человек, нашедший решение сложнейшей задачи? Счастье, гордость, благоговение? В голосе Дмитрия не было ничего из этого. Лишь многоточие – знак еще произнесенных слов, забот, о которых мне пока неизвестно.

– Это же хорошо! – попытался улыбнуться я, но выражение его лица звонкой пощечиной сбило мою улыбку.

– Если я прав, это очень плохо...

Врач встал. Меряя шагами комнату, он пытался подобрать правильные слова. Так выглядит хирург только что покинувший операционную. Вот он мнется, не решаясь зайти в комнату, где ждут жена с дочкой, родители. Как сообщить им, что мужа, отца и сына больше нет? Что он лежит на столе, накрытый с головой простынями. Какие слова подобрать, чтобы сгладить боль? Нет таких слов. Всего один шаг, одна дверь отделяет хирурга от потока чужого горя.

– На мысль об истинных причинах болезни, я натолкнулся случайно. Эпидемия еще не началась, и мы тогда не понимали насколько все серьезно. Я отправился женой в отпуск. Стамбул. Шел третий или четвертый день. Мы уже набегались по достопримечательностям, и теперь никуда не торопясь, сидели в кафе возле Гранд базара. Десятки магазинов, нескончае-

мый поток людей, шум огромного мегаполиса – мы наслаждались его ритмом. Пили крепкий кофе с пахлавой. Со стороны мечети Нуросмание раздался призыв муэдзина к зухру, обеденному намазу.

Я окинул взглядом улицу. Никто из прохожих не реагировал на песнь служителя Аллаха. За соседним столиком стали чуть громче вести беседу. Лишь старик в сувенирной лавке расстелил коврик и встал на колени. Возводя ладони к небу, он шептал о чем-то сокровенном. Жена задала какой-то вопрос и я отвлекся, а когда мой взгляд вновь вернулся к старику, он уже лежал – обессиленно рухнув на пол. Я бросился к нему. Сердце мужчины билось, а губы продолжали шептать. Крикнул продавцам соседних лавок, чтобы вызывали скорую. Старика увезли, а мы, немного придя в себя, двинулись дальше.

Тогда я не придавал этому случаю какого-то значение. Так, старику стало плохо. Ничего особенного.

– Но потом это повторилось? – догадался я.

– Да, – кивнул врач. – Несколько раз я видел, как после молитвы люди с трудом могли встать, будто на нее уходили последние силы.

Окончательно я убедился в существовании закономерности между молитвой и болезнью, попав на службу в Собор Святого Георгия, что в районе Фенер. Приехала группа туристов, под завязку заполнив зал. Мужчины и женщины стояли в окружении икон, дожидаясь начала. Когда вышел священник и запел псалмы, люди склонили головы, послушно накладывая крестное знаменье после каждого «аминь». Мы с женой тоже были среди них.

Обычно мы не ходим в церкви. Да и о боге особо не задумывались до того момента.

Я почувствовал, словно земля уходит из-под ног, голова закружилась и появилась тошнота. Перед глазами сам собой возник образ того старика, обессилено лежавшего на коврике. Я схватил побледневшую жену за руку и потащил к выходу. Мы спасались от священных слов, звучащих из уст бородатого церковника, словно животные от лесного пожара. Несколько часов нам понадобилось, чтобы восстановить силы.

Весь оставшийся отпуск я не мог думать ни о чем другом, пытаюсь осмыслить этот неприятный опыт, выстроить логику между СДХ и молитвой. Я – врач, человек науки, исследователь. Внутри я сопротивлялся мысли, что вера может так нагло, так откровенно влиять на наши тела. Эта страшная болезнь – на эфемерное обещание лучшей жизни после смерти. Это и есть смерть. Как такое может быть?!

Лишь на обратном пути, сидя на борту самолета, я перестал бояться своего открытия и принял его. Десять километров над землей – ближе к богу только космонавты. Мысли чисты, как никогда. Я вдруг увидел всю картину целиком: признание учеными существования Творца; как следствие, небывалый всплеск религиозности, и лишь затем появление болезни.

– Вы хотите сказать, все связано?

– Я знаю, как это выглядит. Похоже на теорию заговора.

– Да уж, не без того.

Я понимал, зачем врач решил рассказать историю своего открытия с самого начала. Так у меня будет меньше шансов для сомнений. Все звучало достаточно логично, хотя и слишком эмоционально. Дима словно заново переживал свое путешествие.

Он не просил верить ему на слово. Он хотел, чтобы я не верил, а знал наверняка – то, о чем говорит этот малознакомый человек – правда. Или хотя бы на нее очень похоже.

– Прилетев домой, я кинулся искать доказательства своей гипотезы. Обратился к коллегам, пытаюсь раздобыть статистику по распространению СДХ от самого первого случая по сей день. Не буду рассказывать всех сложностей, главное, мне это удалось. Цифры были у меня на руках. Мне требовалось больше данных, чтобы понять не ошибаюсь ли я. Именно цифры и процентное соотношение должны были указать на точку соприкосновения больных и их главное отличие от условно «здоровых». Может быть, все заболевшие ели один и тот же продукт.

Или побывали в одном и том же районе города. А может быть у всех – одна и та же модель телефона, а выздоравливать начали те, кто от телефона избавился...

– Или они чаще обращались к Высшим Силам, – догадался я.

– Верно! – Диму явно радовал неподдельный интерес с моей стороны. Он словно один в поле воин, против грозного врага – устоял, но обессилел. И в самый последний момент, когда над головой занесен меч для рокового удара, а душа смирилась с неминуемой гибелью, затрубили горны. Подмога прибыла. И эта подмога – я. Глаза врача выражали радость. Теперь он не один.

– Статистика призвана найти закономерность.

Дима протянул мне стопку листов, исполосованную столбцами цифр, дат и названий стран.

– Что я должен здесь увидеть? – спросил я.

– Открой последнюю страницу.

На листке была изображена карта мира, где каждая страна выделялась одним из трех цветов.

– Красным я отметил территории, где зафиксировано больше всего случаев заболеваний и смертей от СДХ. Синим цветом закрасил умеренное количество. Зеленым – минимальное. Что ты видишь?

– Скопление красного на Ближнем Востоке и Африке. И? Неужели это заметил только ты?

Врач усмехнулся:

– Нет, конечно. То, что болезнь захватила весь мир, но более остального выкосила территории от Гамбии до Казахстана, ученые смекнули довольно быстро. И что они сделали, когда это стало очевидным? Кинулись исследовать гены, предположив, что все дело в расовых особенностях. Но мы с тобой уже знаем, что разгадка причин СДХ кроется не внутри, а...

– Снаружи, – закончил я за врача. – Молитва.

Он удовлетворенно кивнул и протянул еще один лист бумаги с точно такой-же картой. Первый лист был подписан «Количество зафиксированных случаев СДХ», второй – «World Muslim population».

Я бегло сравнил два изображения. Карты почти полностью дублировали друг друга: те же страны, те же цвета. Я некоторое время размышлял, пытаюсь понять, что может быть общего между исламом и болезнью. Ничего в голову не приходило. Я вопросительно глянул на Диму.

– Что отличает ислам от других религий? – не став дожидаться моих предположений, он ответил сам. – Намаз! Ни в одной другой религии мира нет такого количества ежедневных обращений к Богу! Пять раз в день в строго отведенное время.

Мне этот разговор нравился все меньше. Нет, конечно, теория врача была интересной. Он привел цифры, пытался меня убедить (зачем – это еще предстоит выяснить). И не то чтобы я ему не хотел верить. Скорее, мне казалось, что само это знание грозит серьезными последствиями. Будто нас подслушивают и, стоит лишь выйти за дверь, как меня подхватят под руки крепкие молодцы в рясах, да поволокут на суд за богохульство. Не хотелось ступать за черту, пусть и мнимую.

Я молча вернул Диме листы, но уйти не решался. Или не хотел.

– Не веришь? – раздосадовано вздохнул он. Я виновато пожал плечами. – Не веришь, – констатировал врач. – Ладно. Можно пару вопросов?

Мне правда было интересно, к чему он ведет. И зачем Диме так важно меня убедить.

– Вопрос первый. Ты болен СДХ? Или хотя бы симптомы болезни есть? – приступил он.

– Нет. Все, вроде, хорошо. Вы же видели мою карточку.

– Когда ты последний раз молился или ходил в церковь?

Я попытался вспомнить, но ничего конкретного в голову не приходило:

– Очень давно.

– Дальше. – Все пока шло по замыслу нового знакомого. – Твоя девушка или родители больны СДХ?

– Все то же самое, – избавил я его от лишних вопросов.

– Теперь вспомни кого-нибудь из своих знакомых, кто умер из-за болезни и кого ты хорошо знал. И ответь на те же вопросы.

Я сразу вспомнил Антона – моего коллегу и хорошего товарища, почти друга. Он всегда был человеком довольно религиозным, и заболел практически сразу, как в новостях стали трезвонить о загадочной болезни. Но в отличие от остальных святош, кричащих, что болезнь – кара божья, он довольно быстро решил послать Бога к черту. «Если Создатель отвернулся от меня, почему я не могу поступить также?» – обиженно объяснял Антон свою позицию. Болезнь отступила. Тогда я, да и никто вокруг, не связали два этих явления. Решили, пронесло.

А вот баба Тася, что убирала офис, до последнего ставила свечи и верила – Бог ее спасет. Когда сил на обряды уже не хватало, тихо молилась. На похороны я не пошел. Просто скинулся с коллегами. Никто не ходит на похороны уборщиц.

Дима понял по моим глазам, что я ему верю и... меня это пугает. Он сел рядом.

– Я очень хотел ошибиться. До последнего момента, я надеялся, что мои догадки – выдумка, глупость, самообман. Ведь если я окажусь прав, на небе что-то сломалось, и никакие лекарства нам не помогут. Человечеству не спастись.

– Если ты действительно прав, надо рассказать другим врачам, ученым. Они обязательно найдут способ победить болезнь. Как минимум, они смогут убедить людей перестать молиться.

Но Дима замотал головой:

– Это так не работает. Коллеги не воспримут мои слова всерьез, пока я не предоставлю хоть сколько-нибудь убедительных доказательств. Ты даже не представляешь, с каким огромным сопротивлением научного сообщества нам предстоит столкнуться. Они просто не готовы признать силу молитвы.

«Нам предстоит столкнуться...» Общение Димы походило на поступь кота – мягко, не привлекая внимание, он подкрадывался к добыче. Говоря «мы», врач хотел убедить меня, что это наша общая битва, которую сможем выиграть лишь объединившись. Посмотрим, что получится из его попыток. Пока что я на его стороне. Сейчас меня смущало другое.

Мне было странно слышать, что ученые не хотят рассматривать молитву в качестве источника болезни. Каждый день я наблюдал, как общество меняется после дня «икс». В жизнь большинства простых людей религия буквально ворвалась ураганом, переставив все местами. Даже я стал более религиозным (или богобоязненным?) человеком, сам того не замечая. Лишь сила привычки не помнить о Боге оберегала меня от ежедневных обрядов.

– Но ведь существование Бога подтвердили...

– Такой вот парадокс – ученые доказали существование Всевышнего, но все еще не хотят впускать Его в науку.

Неужели ты думаешь, я не пытался найти поддержку, рассказав обо всем коллегам? Они не готовы поверить на слово и требуют неоспоримых доказательств. К тому же, я натолкнулся на противоречащие моей гипотезе факты. Есть случаи, когда от СДХ умирали убежденные атеисты. А значит их болезнь – не результат молитв. Таких примеров мало, но они есть. И еще, моя теория никак не может объяснить, почему священнослужители – те, кто каждый день произносят десятки молитв – не умирают от СДХ.

– Совсем? – удивился я. – Независимо от конфессии?

– Да. Они словно цветут, пока другие теряют энергию и вес. – Опередив мой вопрос, Дима продолжил. – Но это не значит, что я ошибаюсь. Скорее, это говорит о существовании исключений, причины которым нам еще предстоит найти.

Я нахмурился, понимая, что сейчас настал тот самый момент, ради которого врач привел меня сюда и рассказывает все это.

– Нам предстоит найти?

Вместо объяснений, Дима протянул смартфон. На экране застыл кадр этой самой комнаты и кушетки на которой я сейчас сидел.

– Мне нужна твоя помощь. Посмотри, и ты сам все поймешь.

Я нетерпеливо нажал на «плей». Картинка ожила, хотя никаких событий в кадре не происходило. Я с вопросом посмотрел на врача, но он лишь указал пальцем на телефон, мол, смотри-смотри.

В кадре появился какой-то человек, заполнив собой весь экран. Было сложно что-то разобрать, но судя по звукам, он передвигал мебель: скрипы, металлический звон, скрежет дерева. Затем человек подошел и лег на кушетку. Это был Дима. В руке у него торчал катетер, а на голове виднелось несколько липучек с электродами. У изголовья стоял столик с каким-то аппаратом и ноутбуком, висели пакеты с растворами. Я оторвал взгляд от экрана и осмотрел комнату. Машинка из кадра хоронилась в углу, накрытая белой тканью.

На видео, Дима подсоединил капельницы аппарата к катетеру, провода электродов к компьютеру. Нажал несколько клавиш и лег, предварительно посмотрев в объектив. Видимо проверял, запечатлеет ли камера его лицо.

Устроившись поудобнее, врач закрыл глаза. Несколько минут в кадре ничего не происходило. Лишь на экране ноутбука полосы энцефалограммы время от времени покрывались небольшими волнами.

Я уже решил, что ничего важного не увижу, когда тело врача затрясло. Раздался писк, а графики на мониторе сошли с ума. Его тело свела судорога и начало сильно трясти. В этот момент, сработал защитный алгоритм – аппарат проснулся, пустив по трубкам пробудившее врача лекарство.

Дима резко открыл глаза и сделал глубокий вдох, словно вынырнул со дна озера. Попытался сесть, но обессилело повалился обратно на кушетку. Сесть ему удалось лишь с третьей попытки. Было хорошо видно, как тяжело врачу далось пробуждение.

Протянув руку, он отключил пищавший аппарат, отсоединил провода от электродов, капельницу. И просто сидел, потирая глаза. Напоследок посмотрел в объектив камеры, слегка помотав головой, словно хотел передать мне послание.

Видео закончилось. Дима забрал телефон.

– Что это было? – То, что я увидел, казалось понятным и даже очевидным, но главное камера записать не смогла. Это объяснит только тот, кто все же сумел проснуться за миг до трагедии.

– Есть способ с помощью препаратов ввести человека в определенное состояние...

– Кому! – догадался я.

– Нет, очень глубокий сон. Я зову это «погружением». Ты засыпаешь и активируется твое подсознание. Погружение позволяет установить связь с местом, где можно найти ответ на все наши вопросы.

– Ты о чем?! – я наконец-то понял, что задумал врач. Сердце заколотилось.

– Я хочу, чтобы ты попытался прорваться на Небеса и выяснить, что там происходит. – Увидев мою реакцию, Дима заговорил быстро, с напором, не давая мне вставить слово. Он знал, я в шаге от того, чтобы сбежать. – На эту мысль меня натолкнул роман французского писателя, Вербера. Он описал, как люди изучают жизнь после смерти и устройство потустороннего мира. Мне эта идея понравилась. Я, как анестезиолог, решил подобрать препараты-активаторы подсознания. И у меня все получилось! Это безопасно, но нужен молодой человек с отличным сердцем. Ты идеально подходишь. Сам я не могу одновременно быть здесь, чтобы

контролировать физические показатели, и отправиться туда. Ты видел запись и знаешь, что один я не справлюсь.

Мне правда нужна твоя помощь! Не бойся. Я буду рядом и присмотрю за...

– Вот уж нет! – я вскочил с кушетки и быстрыми шагами направился к двери.

– Да стой же ты! – кричал врач, но я и не думал реагировать. – Если считаешь, что тебя или твоих близких минуют последствия происходящего, то ты – глупец, – слышал я разносящийся по коридору крик. Сидящие под кабинетами люди и идущие навстречу врачи с удивлением смотрели на меня, пытаюсь понять, что происходит. – Достанется всем! И тебе тоже!

Я не стал даже оборачиваться. Лишь фыркнул под нос:

– Нашел дурака!

Таня со мной не разговаривала. Это из-за опоздания? Вроде она не из обидчивых, но всякое может быть. Я всмотрелся в ее отрешенное лицо. Из-под закрытых век проступали слезы.

– Что-то случилось? – стараюсь сделать голос максимально мягким, спросил я.

– Плохо себя чувствую, – она вздохнула так, будто ее тошнило.

Я никак не мог выкинуть из головы слова врача: «На небе что-то сломалось, и никакие лекарства нам не помогут. Человечеству не спастись.» – кажется, так он сказал. Выйдя из больницы, я постарался сразу же забыть все, что наговорил мне этот странный человек. Но чем больше пытался отвлечься, тем громче, предложение за предложением, звучал его настырный голос. Словно кто-то засунул в мой череп магнитофон, поставив его на «репит»: сдохлосы, энергия, карта, молитвы, сломалось что-то, погружение, сдохлосы, энергия... И так по кругу сотни раз!

Я протянул руку и погладил лицо своей девушки. Что я пытался проверить – не похудела ли, не впали ли щеки? Да вроде все нормально. Так сразу и не поймешь. Немного холодновата, но ведь и не лето же. Я все равно беспокоился. Таня не отстранилась, хотя терпеть не могла, когда касаются ее лица. Даже от меня шарахалась. А сейчас, словно ей плевать.

– Слушай, мой вопрос может прозвучать странно, но ответь, пожалуйста.

Ни заинтересованного взгляда или хоть какой-то реакции. По-моему, пора волноваться.

– Ты сегодня молилась?

Я ожидал, что она начнет расспрашивать о природе моего странного вопроса, но вместо этого Таня просто начала рассказывать:

– Сегодня утром узнала, что Елена Викторовна из юридического умерла. За две недели иссохла. Я даже не знала, что она болеет – говорили, в отпуске, а потом, бах! Даже похоронить успели. – Танин голос заметно дрожал. – Мы с девчонками на обеде в церковь ходили свечи поставить за упокой. Долго перед иконами стояла, замороженная. Внутри тысячи слов, и все наружу просятся, а сказать не могу – в голове пусто. А с другой стороны, что ты им скажешь? Это же всего лишь картинки в окружении спецэффектов: ладан, свечи, позолота.

Со стороны казалось, будто Таня находится в каком-то трансе. Глаза закрыты и вещает. По щекам катятся слезы. Пытаясь хоть как-то помочь, я протянул руку и сжал ее плечо. Она заметно вздрогнула.

– Всю вторую половину дня словно в тумане. Даже дышать трудно.

Таня замолчала, а я еще некоторое время пытался переварить услышанное, но не мог – все мысли перебивала злость... Очень громкая злость на врача Дмитрия Михайловича.

– Танюш, что бы ни случилось, не ходи больше в церковь и молиться не надо. Обещаешь?

Я даже не пытался представить, что происходит у нее внутри. Каково это – носить в себе тысячу упреков и обвинений, не имея возможности доставить их адресату? Когда хочется затопить обидчика в отчаянии и злости за то, что он породил, но кулаки рассекают лишь воздух.

– Обещаю, – никаких вопросов Таня задавать не стала. У нее просто не было на это сил.

Таня уснула. Первое, что я сделал – нашел в интернете упомянутый врачом роман Бернара Вербера и стал читать. Книга пошла довольно легко и уже в четвертом часу я закончил, потирая уставшие от монитора глаза. Замысел Димы теперь не казался мне столь уж диким. И дело не в выдуманной истории французского писателя. На эту тему и раньше хватало книг и фильмов. Людей всегда интересовало, что находится там – за гранью жизни, в невидимых человеку мирах. Сейчас же, когда природа веры научно обоснована, мы больше не спрашиваем: «Есть или нет?» Мы задаемся вопросами: «Кто именно находится там? Как все устроено? Из чего состоит?»

Люди искусства разошлись не на шутку, описывая мистические пространства всех форм и размеров. На волне популярной темы даже выставку организовали в Доме Кино «100 образов Бога». Я видел афишу на остановке. Собрали со всего мира картины и скульптуры, как может выглядеть сердце Метагалактики и что там, по мнению художников, происходит. Потом в новостях говорили, что закончилось все скандалом. Религиозный активист разбил кувалдой гипсовую скульптуру, соединявшую в себе лики всех известных богов – символ единства. Вандал успел отбить Шиве гипсовый нос и гульку, провозглашая: «Бог истинный только один и имя ему...» Я так и не узнал, какой именно бог истинный. Парня запинала почти вовремя подоспевшая охрана. На чем новость и закончилась.

Ученые же, несмотря на угрозу глобального вымирания, пошли дальше, организовав целое научное сообщество по изучению феномена Бога. Что-то там ищут, на расстоянии 14 миллиардов световых лет, предполагая, что в этом и заключается главная цель существования человечества – познание Бога с помощью фундаментальных наук. И никаких там духовностей и прочих маловразумительных абстракций. Изучение Творца – дело точное!

В общем, если отбросить в сторону эмоции, предложение врача не столь абсурдно. Если астрофизики пытаются пробиться к Богу с помощью космических кораблей, телепортации и прочего научпопа, то Дима утверждает, что может открыть дверь в непознанный мир с помощью препаратов – активаторов подсознания. Звучит вполне научно.

Приняв решение, я отправился спать, уткнувшись носом в раскиданные по подушке Танины волосы.

Проснулся я в начале десятого. Таня все так же спала рядом, словно всю ночь не меняла положение. Начало десятого? Неужели она проспала? Проспала первый раз в жизни! Мое сердце замерло.

– Танюш! Тань! Таня!!! – не справившись с паникой, я стал трясти ее за плечо.

– Что ты творишь? И так голова болит, – ответил ее запутавшийся в волосах голос. Отпустило.

Пока я стоял под горячим душем, Таня позвонила на работу – извиниться за прогул и отпроситься. Оказалось, все, кто ходил оплакивать Елену Викторовну, взяли больничный.

Позавтракав сам и силой накормив Таню, я нашел в кармане куртки визитку врача. По указанному номеру никто трубку не брал. Лишь перезвонив минут через десять, я услышал приветствие:

– Федоров! – представился грубый мужской голос.

– Дмитрий Михайлович? – уточнил я.

– Слушаю.

– Вчера мы встреча...

– Я узнал, – его голос сразу стал мягче и приобрел знакомые очертания. – Рад тебя слышать.

– Звоню сказать, что согласен попробовать... погружение. Но у меня есть два условия.

– Любопытно, – насторожился он.

– Во-первых, ты должен гарантировать, что эти эксперименты не навредят мне.

– Не сомневайся! Я профессионал и стаж у меня большой, хотя и выгляжу молодо. Поэтому ручаюсь. Все будет в порядке! Какое второе условие?

– Я в любой момент смогу отказаться от нашего сотрудничества. Без последствий. Ты можешь мне гарантировать и это? – Даже самое искреннее обещание часто теряет силу в момент лобового столкновения с обстоятельствами. Я это знаю, потому что сам не раз нарушал данное слово. О каких обещаниях может идти речь, когда ветер так переменчив, а люди так слабы? Не нуждался я в заверениях врача. Хотел лишь показать – хоть я и отношусь серьезно к его предложению, но шанс отступить будет всегда. Контракты без обязательств – мой конек. – Ну, так что?

– Не переживай, я не сделаю из тебя пленника. Ты волен уйти в любой момент. Вот только будь готов...

– К чему, – нахмурился я.

– То, что предстоит открыть, заставит нас идти до конца.

– Время покажет, – огрызнулся я и положил трубку.

Глава 3. НУ, ЗДРАВСТВУЙ, БОГ

– Ты уверен, что нам больше никто не нужен?

Я лежал на самой обычной больничной кушетке. Рядом Дима готовился к «погружению». Он брал какие-то ампулы, размалывал таблетки в порошок, затем растворял его в жидкостях с незапоминаемыми латинскими названиями. Казалось, он готовит колдовское зелье, а не снотворное. Я наблюдал за действиями современного алхимика с опаской – моя жизнь в его руках.

Прежде, чем дать окончательное согласие на эту сомнительную процедуру, я около часа подробнейшим образом выпрашивал у него обо всем, что меня волновало. Существует ли угроза для жизни – нет, не существует. Что за препарат будет мне введен – личное открытие, с очень сложным составом. Чем он отличается от обычного снотворного? Тем, что совмещен с психоактивными веществами. Какими? Личное открытие – *энтеоген*, со сложной формулой. Допустим, но безопасен ли этот препарат и опробован ли он на людях – да, опробован, все живы и счастливы. Уверен ли Федоров, что нам для подстраховки никто не нужен...

– Уверен. Я буду следить за твоим состоянием и, если понадобится, смогу разбудить тебя в любой момент. Не переживай так! – убеждал меня врач. – Тебе всего-то предстоит хорошенько выспаться да помедитировать.

Сказав это как можно более убедительно, Дима придвинул ближе еще одну, уже третью по счету капельницу. Затем вновь вернулся к лекарствам.

– Предположим, ты мастер анестезии и мне ничего не угрожает, – продолжал я свои расспросы, чувствуя себя мышью, рассуждающей из кошачьего желудка, почему ее нельзя есть. – Вот я засыпаю, и... Дальше-то что? Что мне делать?

– Выяснить, что происходит с человечеством. Почему мы постепенно вымираем и как это предотвратить, – отвечал врач, ни на секунду не отрываясь от алхимического процесса. То, как его руки летали над банками, мешали порошки и жидкости, должно было вселять чувство спокойствия, но не вселяло.

– Это и так понятно! Меня интересует – там, куда я попаду, что меня ждет? Что я увижу? Где я вообще окажусь? Извини, но для меня прогулка по Небесам все еще остается чем-то запредельным.

Дима молча подсоединил трубку к капельнице и собрался ввести иглу мне в вену, но я схватил его за руку, не произнося ни слова, стал смотреть ему в глаза. Он тяжело вздохнул, и сел рядом на кушетку. Только сейчас я понял, что он волнуется не меньше моего.

– Слушай, честно говоря, я без понятия, что там ждет тебя. Когда я испытывал препарат на себе, мое сознание оказалось в месте, которое очень сложно описать. Но это место не на Земле, и оно мне не приснилось – это точно! Что-то вроде приграничной зоны, дальше которой мне не позволяли пройти. Именно поэтому мне и нужен ты – может тебя пустят наверх. Если бы мог, все сделал сам, но...

В голосе Димы появился какой-то оттенок, нота, которую я раньше, глупец, не замечал. Меня осенила догадка!

– Кто-то из твоих близких болен СДХ?

Молодой врач на мгновение замер, затем неуверенно кивнул:

– Мать. Она даже говорить не может. Мы ее последний шанс.

– Ты рассказывал ей о молитве? – мне действительно было жаль.

– Мать всегда была упрямой. Когда я ей попытался все объяснить, она лишь брезгливо отмахнулась: «Бог всегда помогал мне в трудную минуту. Так неужели я предаю Его, когда Он так нуждается в моей помощи?» Я ответил маме, что она всего лишь маленькая женщина и Богу безразличны ее жалобы или хвала. «Откуда тебе-то знать, что Ему нужно?» – был ее

ответ. Это последний раз, когда мы разговаривали. Именно ее слова подтолкнули меня к мысли – попытаться узнать, что действительно задумал Бог? Что Ему от нас нужно?

Когда Дима замолчал, в комнате воцарилась тишина. Лишь вентилятор аппарата тихо жужжал. Я распрямил руку, давая возможность анестезиологу работать. В момент, когда игла вошла в руку, я думал о Тане. Что она тоже очень упрямая.

Я оказываюсь внутри темного коридора. Единственный источник света – крохотная точка где-то далеко впереди. Не имея сил сопротивляться, лечу к ней, словно мотылек на огонь.

Ха! Черта с два! Терпеть не могу шаблоны. Никакого туннеля, никакого света в конце. Может дело в том, что я не умер, а просто уснул? Хотя Дима и говорил, что мой сон будет столь же глубокий, как и кома, но все же это сон.

Вот только что я ощущал, как моя голова проваливается сквозь кушетку, вдруг ставшую необычайно мягкой. Я погружаюсь в нее – все глубже и глубже. И уже в следующее мгновение стою... Действительно, а где это я?

Теперь-то мне ясно, почему Дима не мог описать это место. Что-то сродни пустыни, но одновременно ей не является. Нет потрескавшейся от жары земли, нет песка и уходящей за горизонт пустоты. Пыльный бетон и тусклые, скудные краски. Куда ни глянь – серая дымка. Не туман, а именно дымка. И, кажется, будто она окружает лишь меня. А может, я и есть эта дымка – стайка крохотных частиц в мире пыльного бетона?

– Ты же всегда мечтал стать облаком! Так что тебе не нравится? – Танин голос звучал отовсюду.

Затем тишина – долгая, бескомпромиссная.

Я стал крутиться на месте, пытаюсь сообразить, что делать дальше, куда двигаться. Серая дымка была везде. Что ж? Если не знаешь куда идти, можно выбрать любое направление. В этом тоже есть своя прелесть.

Сделав лишь первый шаг, я услышал мелодию. Готов поклясться: мне доводилось ее слышать и прежде. Вот только где? Такая незатейливая, простая... Трам-парам-тарам-пам-пам.

Я остановился, пытаюсь сосредоточиться и понять, откуда доносилась музыка. Миг – она пропала. Шаг – вновь ожила. Так, значит, она слышится только при движении. Немного подкорректировав направление, я стал приближаться к источнику звука.

Не скажу, что страшно – скорее, беспокойно внутри. Каждый шаг – загадка. Будь моя воля, я предпочел бы знать, что впереди. Видеть не дальше одного шага, как минимум, некомфортно.

– Ты же сам всегда мечтал быть облаком! «Гонимый переменчивым ветром, плыть к неизведанным землям» – кажется так? – вновь раздался знакомый голос.

То, что Таня цитировала мои мысли, меня не удивляло. Как будто так и должно быть. Здесь.

Незатейливый мотивчик стал перемежаться протяжными вскриками. Почему они кажутся такими знакомыми?

Человек возник передо мной неожиданно. Неподвижно сидел на земле спиной ко мне. «Он же перепачкается. Здесь так пыльно!» – подумал я. Музыка исходила от него. «Знаем, знаем! Смотрели фильмы ужасов! Главное, чтобы он резко не повернулся...» Я стал медленно, как можно незаметнее, обходить его с боку.

Ха! Только сейчас я понял, почему эта мелодия и вскрики казались мне такими родными. Сидя посреди пустыни, незнакомец играл в «Злых Птичек». Одной рукой он держал «АйПад», другой – натягивал виртуальную тетиву, пытаюсь убить зеленых свиней разномастными пернатыми мстителями.

Я еще немного постоял, оценив не самые выдающиеся партии. Устав наблюдать, как игрок неэффективно расходует птиц, решил обратить на себя внимание:

– Уважаемый! – окликнул я незнакомца. Получилось довольно грубо.

Человек оказался на ногах прежде, чем я успел моргнуть. При этом он спрятал планшет за спину. Глаза выдавали испуг, будто мать застала подростка за просмотром порнографии. Незнакомцу потребовалось пару мгновений, чтобы прийти в себя и понять: угрозы нет. Он достал планшет из-за спины, а испуг сменился недовольством. Осмотрев меня с ног до головы, человек раздраженно прошипел:

– Я тебя знаю! – ничего не объясняя, стал на шарил в планшете. – Ты? Точно ты!

Я глянул на экран, где действительно отображалась моя фотография и личная информация: вес, возраст, рост, еще куча каких-то данных и значений.

– Ты что здесь делаешь?! – с нажимом спросил он.

Человек этот действительно выглядел, как «просто человек» – ни старик, ни мужчина и ни мальчишка. Волосы ни светлые, ни темные. Рост ни большой, ни маленький. В общем, идеально подходит для этого места, где нет ничего, а то, что есть – пустота. Такой же безликий, как и окружающий нас серый дым. Попроси меня отвернуться и описать его, бьюсь об заклад, последует полный провал. В голосе его явственно чувствовалось право допрашивать. Мне действительно стало неловко, что я оказался здесь без спроса.

– У меня дело есть, – попытался я оправдаться.

– Какое такое «дело»?! – еще больше удивился человек. – Тебе нескоро сюда. Ну-ка, марш обратно! – и сделал вперед шаг, прогоняя меня, словно хотел подтолкнуть к выходу. Но я сдаваться не собирался.

– А вы, собственно, кто? – в его же манере «заслуженной вахтерши» спросил я. Маневр сработал. Человек явно не ожидал подобного поворота.

– Я? – зачем-то переспросил он. – Привратник.

– Привратник? – слово, какое интересное. – И где же тут врата? – не меняя тона, осведомился я.

– Там... – в непонятном направлении махнул он свободной рукой.

– И что вы здесь делаете? – пытаюсь остаться хозяином положения, задал я очередной вопрос.

Кажется, мою хитрость разоблачили. Привратник ухмыльнулся:

– Смотрю, что бы такие, как ты, жулики, раньше времени не прошмыгнули, налакавшись мескалина.

Глупо, но меня задел статус «жулика». Он-то не знает о моих намерениях. Сложись обстоятельства несколько иначе, меня бы здесь вообще не было.

– Повторяю, что ты тут забыл?!

Кроме как честно рассказать о своей благородной миссии, вариантов не оставалось.

– Послушайте, Привратник! Мне очень нужно с начальством поговорить о том, что на Земле происходит.

– А что с Землей не так? – включил он «дурачка». А ведь знает больше, чем говорит. По выражению лица было ясно.

– С ней-то все в порядке, – решил я подыграть Привратнику, – а вот с людьми – нет. Мы вымираем. Через десятилетие от человечества вообще ничего не останется. Неужели вы не в курсе?

– Я как-то не особо за новостями слежу, – соврал он опять.

– А зря! Знали бы тогда: если срочно ничего не предпринять, сюда проникнет столько «жуликов», что вам просто не будет покоя. Мне очень нужно поговорить с тем, кто в курсе происходящего? Может быть вы поможете? Пожалуйста!

– Не-не-не... – замахал собеседник руками и попятился назад. – Я вообще с живыми дел не имею. Сижу себе здесь, работаю, никого не трогаю. И вообще, – повернулся он ко мне спи-

ной, – все земное мне чуждо. Поэтому вали домой, дружок! Или иди к другому Привратнику. Мне проблемы не нужны.

– Значит, земное, говорите, вам чуждо? – хитро улыбнулся я. – Раз вы, уважаемый, не интересуетесь проблемами живых, то и планшет, полагаю, вам не понадобится?

Привратник резко обернулся:

– А планшет тут причем? Мне его официально разрешили! Это, между прочим, мой рабочий инструмент!

Я постарался как можно более таинственно улыбнуться, и пожал плечами:

– Тогда не будете против, если я сообщу о нем вашему начальству? И о «Злых Птичках», разумеется тоже.

Не скрывая беспокойства, человек прижал свою ценность к груди:

– И к кому ты попадешь? Кто тебя пропустит?

– Ну, вы же сами порекомендовали мне обратиться к вашим коллегам. Уверен, найдутся Привратники и поговорчивей.

Бессребреник с бесконечно глубокой тоской посмотрел на планшет, затем на меня, затем снова на планшет.

– Боги не станут разговаривать со смертным.

– Боги? – растеряно уточнил я. Нет, конечно, я не задумывался, с кем мне предстоит встретиться. Откуда мне знать, как тут все устроено? Но заявление о богах заставило меня растеряться. – А, что, их много?

– Вот, видишь, – зло усмехнулся Привратник, – ты даже элементарных вещей не знаешь, а все туда же. – Он покачал головой, мол, с кем приходится общаться. – Конечно, их много. И что на самом деле творится с Землей, сможет рассказать только кто-то из них. Проблема лишь в том, как я уже говорил, что с людьми они больше не разговаривают.

– Неужели все?

Человек задумался. После короткой паузы все же ответил:

– Есть один, кто по-особенному к вам относится. Правда, он последнее время очень изменился.

– Плевать! – кажется, появилась возможность, и я не преминул за нее ухватиться. – Отведите меня к нему.

– Сам доберешься. В том направлении ворота. Когда попадешь внутрь, назовешь его имя. Шакьямуни знаешь?

– Кого?

Привратник закатил глаза:

– Будда – слышал о таком?

– Конечно! – обрадовался я. Уж с кем с кем, а с Буддой разговор сложится. – Спасибо большое! – поблагодарил я Привратника и, не став дожидаться ответа, помчался в указанном направлении.

– Только за воротами темно будет, ты не пугайся! – полетело вслед. – И не говори ему, что это я тебя пропустил. Слышишь?!

Темноты я не боюсь. Все одно лучше, чем эта пыль.

– Пф-ф, тоже мне, ворота!

Забавно, но я ждал чего-то колоссального. Если не божественных размеров, то хотя бы заставляющего удивиться, а не вот это...

Я стоял в двух шагах от дверцы, расположенной прямо в земле. Размера небольшого – сантиметров семьдесят на метр. От досок отлупилась краска. Вместо ручки – приколоченное гвоздями кольцо. Словом, убожество!

Еще раз оглядевшись и убедившись наверняка, что никаких «ворот» по близости больше нет, взялся за кольцо и потянул. Дверца поддалась легко. Привратник, судя по всему, петли смазывал исправно. Должен же быть от него хоть какой-то толк.

Открывая дверь, я искренне надеялся, что сейчас, вот прямо сейчас, мне доведется стать свидетелем настоящего чуда. Например, на меня ниспадет яркий свет, громогласный, великий бас спросит: «Зачем ты потревожил меня, смертный?» Действительно, хотелось экстрима. Уж слишком здесь пресно. Хоть где-то же должны быть чудеса. Ну, пожалуйста!

Но мои надежды были напрасны. За «вратами», а по факту «дверцей в подвал», меня ждал самый обычный мрак (то есть опять ничего). Я откинул дверь, обнаружив ступеньки, упирающиеся в темноту. Начну медлить – точно расстроюсь, поэтому смело шагаю вперед.

Странно... Стоило коснуться темноты – и моя нога почувствовала прохладу, словно тьма была не отсутствием света, а имела структуру. Не решившись двигаться дальше, я наклонился, зачерпнув ее рукой. Так и есть – кисть пронзил колючий холод. Ладонь и пальцы словно выпачкались в темноте – густой и вязкой. Капли, срываясь с руки, нет, не падали, а возвращались обратно, неспешно *опадая* вниз, невесомые.

Невольно я обернулся и замер, вслушиваясь в белую дымку. На мгновение показалось, что смог рассмотреть силуэт Привратника. Может он хочет от меня избавиться и это – ловушка? Ведь ворота к богу не могут быть «такими». Ведь боги не живут в затопленных подвалах. Не найдя подтверждения догадкам, я уставился в холодную тьму, стараясь принять решение. Вновь сделал шаг, загрузнув по лодыжки в обжигающей стуже. Кого я обманываю? Ведь на самом деле решения никакого нет. Человечество вымирает от таинственной болезни, а мне нужно узнать причину.

Я задержал дыхание и, зажмурившись, нырнул во мрак.

Привратник сказал, что, когда я окажусь за вратами, нужно назвать имя бога, к которому я хочу попасть. В полном окружении тьмы... Тьмы настолько густой, что может стереть любые границы – между мной и ею. Все, что оставалось – повторять имя. Снова и снова.

– Будда... Шакьямуни... Будда...

Как сказал Привратник, только он один готов принять простого смертного. Остальные боги, видимо, не столь радушны.

– Будда... Будда... Шакьямуни...

Совсем скоро где-то вдалеке я увидел лучик. И уже собрался шагнуть навстречу, когда заметил, что он приближается с огромной скоростью. При этом источник вилял из стороны в сторону, словно грузовик по серпантину.

– Шакьямуни... Будда...

Миг – и свет сравнялся со мной. Его излучало маленькое озеро. Выглядело оно так, будто земля – не земля вовсе, а натянутый лоскут ткани. И кто-то неведомый снизу подсвечивал ее ярким фонарем. Вслед за «солнечным зайчиком» во всю прыть из последних сил мчался толстый карлик.

– Будда? – не поверил я своим глазам.

– Сука-сука-сука! – без остановки тараторил запыхавшийся толстяк, не обращая на меня никакого внимания. Его интересовало лишь озеро света, что пыталось виляниями и маневрами скинуть надоедливый «хвост».

Эта странная игра заняла всего несколько мгновений. Затем погоня начала стремительно отдаляться. Не раздумывая, я бросился вслед.

Силы карлика явно были на исходе. Он постоянно спотыкался, падал, вскакивал... Останавливался ради глубокого вдоха и, мимолетно переведя дух, вновь пускался в погоню. У меня не оставалось времени поразмыслить, свидетелем чего я стал. Все, что я мог – бежать, что было мочи, стараясь не отставать. Сложно сказать, долго ли длилась чудная погоня – я за богом, бог

за светом, свет во тьме. Мне казалось, что я в бегах уже целую вечность, и нет конца этому действию. Но в один момент все закончилось. Свет просто замер, толстяк остановился как вкопанный, а я чуть было не налетел на него сзади.

Что делает карлик? Пальцем закрывает правую ноздрю, а левой начинает ме-е-едленно вдыхать. Из озера поднимается голубое сияние и тонкой струйкой исчезает в ноздре. Затем процесс повторяется уже с другой частью носа.

Глубоко вдохнув свет, карлик ведет себя чудно – кричит, глаза его выкатываются из орбит, краснеют и слезятся, а челюсть ходит ходуном. Тело же его заметно увеличилось в размере, став больше меня в два раза. В заключение обряда, он тяжело вздохнул, закрыл глаза, смиренно застыл в позе лотоса у края озера. Словно отшельник у костра в ночном лесу. Так и замер, лишь иногда слащаво похрюкивая.

Все это время я наблюдал за отвратительным поведением существа, боясь шелохнуться. Когда шоу закончилось, я стал думать, как поступить дальше. В голову не пришло лучшей идеи, чем просто откашляться.

Божок перевел на меня одурманенный взгляд полузакрытых глаз.

– Чего тебе? – с нескрываемым раздражением спросил он.

– Мне помощь нужна, – сразу перешел я к делу.

Никакие другие варианты в голову не приходили.

– Я тут причем? – вопросом ответил он, переведя взгляд обратно на светящееся озеро.

Поняв, что никто «к столу» меня приглашать не будет, я уселся напротив.

– Ну, вы же Будда? Поэтому должны помочь! – привел я железный аргумент.

Толстяк равнодушно сверлил меня взглядом. Многозначительно, но я не поддавался. Решив, что моих способностей не хватит для толкования всей выразительности божественного взора, он произнес:

– Я никому ничего не должен! Ты даже не буддист. С какой стати тебе помогать? И вообще, – брезгливо завершил «добродушный» бог, – какой недоумок тебя ко мне пустил?! Я ж запретил!

Пока я молчал, пытаюсь сопоставить привычный образ милостивого улыбчивого толстячка с длинными мочками и этой желчной туши, он отвел от меня колючий взгляд. Кажется, что бы я сейчас не сказал, Будда все равно останется недоволен. Да что с ним не так?

– Послушайте! Я не хочу вам надоедать, честное слово. А просто ищу помощи. У человечества серьезные проблемы. И все, что мне нужно – понять причину. Как только вы ответите на мои вопросы, обещаю, больше не потревожу вас. – Я смотрел богу в глаза, стараясь выразить во взгляде всю надежду, что чувствовал в своем сердце, но...

– Плевал я на тебя и все человечество! – заорал он в ответ. – Вы! Ни один из вас, не стоите и секунды моей вечности. Сдохните все до единого – так вам и надо! Пшел вон из моего сектора!

Конечно, я всего лишь человек. Гнев захлестнул меня. Почему я должен выслушивать все это? Я даже хотел встать, желая уйти, когда в окружающем мраке увидел бледный лик Тани. Ее уставшей улыбки хватило, чтобы злость ушла, наполнив сердце спокойствием и уверенностью.

– Не так давно в одной книге я прочел интересную теорию, – снова обернувшись к боже-ству лицом, я стал говорить. Все, что оставалось – надеяться, что сердце есть не только у людей. – О том, что войну нам посылают боги в качестве испытания души. – Будда сидел с закрытыми глазами и не подавал признаков жизни, всем своим видом демонстрируя, что разговор окончен. – Во время войны правила патологически искажаются. Становится дозволенным то, что в мирное время считается преступлением. Возможности, как и ограничения – это всегда испытание для совести. Одни люди достойно проходят это испытание, становясь героями, очищая душу от всех былых проступков. Другие, наоборот, давая волю слабостям, опуска-

каются, теряя остатки человеческого. Это теория очень похожа на правду. Думаю, «война» – это сильнейшее испытание, и не только для людей, но и для тех, кто ее придумал.

Когда я закончил, Будда внимательно смотрел на меня, не моргая, не шевелясь. Наконец, его длинные, просветленные мочки ушей чуть заметно стали покачиваться. Затем он заговорил:

– Твои рассуждения, смертный, лишены всякого веса, – голос божества наполняла тоска. – Ведь тебе нечего бояться. Даже если тебя трясет от одной мысли о смерти, этот страх порожден невежеством. Когда умирает душа человека, она просто исчезает. Всего одно мгновение – и твои тысячи жизней вместе с опытом и памятью воплощений перестают существовать. Раз – и тебя больше нет.

Я старался впитать каждое его слово. Пусть многое из сказанного казалось мне размытым, смутно знакомым, как если бы я сидел на диване перед телевизором, лениво перепрыгивая с канала на канал. Щелк! «Что? Душа смертна? Но это противоречит всему, что я до этого...» Щелк! «В Париже опять беспорядки...» Все, что я мог – внимательно наблюдать за вырванными из контекста фразами. И я наблюдал.

Будда продолжил:

– Когда же умирает бог, все происходит иначе. Нам приходится идти сквозь все опыты, через неудачи и победы. Мы пропускаем через себя все. Медленно распадаемся на миллионы частиц, каждая из которых отрывается с неизмеримой болью, и умирает в одиночестве. Это похоже на гниение заживо, но и такая аналогия ничто в сравнении с тем, что нам суждено испытать. Когда вас, людей, забирает смерть, ваш последний вздох – вздох облегчения. Это душа радуется, что ограничения и бремя тела ушли и теперь можно побыть свободной. Когда умирают боги, наш вздох похож на крик ужаса.

Божество смерило меня презрительным взглядом.

– Не тебе, смертный, обвинять меня в равнодушии. Ты просто исчезнешь, а я буду бесконечно медленно, невыносимо мучительно сгорать в пламени минувших историй.

Все время, пока он говорил, лицо божества оставалось лишенным всяких эмоций. Но там, за маской спокойствия, я разглядел дикий ужас перед неизбежным.

– Что происходит? Будда, к чему эти разговоры о смерти? Что случилось у вас?

– Не «у вас», у всех нас! – толстяк указательным пальцем прочертил круг в воздухе, как бы соединяя «верх» и «низ». – Творец, Отец наш, Единый, Всевышний – оставил этот мир. Вы подвели Его. Мы подвели. Он оставил миры догнывать, пока все не исчезнет.

Творец – Боги – Люди... Эта дикая конструкция никак не хотела уместиться в моем одеревеневшем разуме? Будда понял, что его слова отскакивают от меня, словно шарики для пинг-понга. Он перевел грустный взгляд в темноту. Я проследил, на что так пристально смотрит Шакьямуни. Но кроме тьмы ничего так и не увидел. Исходящее из земли свечение с трудом развеивало густой мрак.

– Смотри! – приказал толстяк.

И я стал смотреть... Тьма мельтешила, как если бы она была отражением огромных экранов, транслирующих «черный шум». Чем дольше я смотрел, тем отчетливей проявлялись очертания чего-то знакомого, но такого чуждого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.